

К. П. ПЯТНИЦКИЙ

М. ГОРЬКИЙ И ТОВАРИЩЕСТВО „ЗНАНИЕ“

В начале 1900 года три тома рассказов Горького, изданные Дороватовским и Чарушиниковым, были распроданы. Читатели с нетерпением ждали следующего издания. Было известно, что в его состав войдет новый, четвертый, том с большой повестью «Фома Гордеев». Я обратился к Горькому с вопросом: не согласится ли он поручить новое издание товариществу «Знание», где я был одним из участников. Мои предложения были таковы: все расходы и хлопоты берет на себя «Знание»; вся чистая прибыль принадлежит автору; ему немедленно выдается аванс в 5.000 руб. и, кроме того, предоставляется право ежемесячно брать из кассы «Знания» столько, сколько потребуется, смотря по обстоятельствам. «Наше уважение к Вашему таланту», — писал я Горькому, — «так велико, что мы не сразу решились предложить Вам эти условия. Во всяком случае, это минимум, о котором мы решимся говорить».

Соглашение состоялось 2 февраля.

К началу лета все четыре тома нового издания поступили в продажу. Каждый том был издан «Знанием» в количестве 11.800 экземпляров.

Лето 1900 года Горький проводил в Полтавской губернии, в селе Мануилевке.

15 июля он известил меня, что ему экстренно понадобились 300 рублей.

16 июля я отправил ему 400 рублей и письмо, в котором рассказывал об исключительном успехе нового издания. Приво-

жу это письмо в выдержках, чтобы сделать понятным ответ Горького:

«Дорогой Алексей Максимович!

Высылаю 400 руб.

Искренно рад, что Ваше письмо застало меня в Петербурге, так что можно было исполнить Ваше желание немедленно. Пожалуйста, пишите, если что понадобится.

Четыре тома Ваших «Рассказов» вышли. Успех громадный. Берут нарасхват. Вчера один мой знакомый вернулся из поездки по Волге, Каме и Уралу. Говорит, что везде видел томики Ваших «Рассказов» в издании т-ва.

В конце мая в нашу контору зашел один американец. Долго расспрашивал меня о Ваших сочинениях, о Вас самих. Когда я удивился, что он так свободно говорит по-русски, он рассказал, что много лет был секретарем американского посольства в Петербурге, потом оставил службу и ушел в литературу. Перевел для Америки «Князя Серебряного», всего Сенкевича. Много путешествовал. Теперь делает поездку по России, Сибири и Японии. В Петербурге ему попался первый том Ваших «Рассказов». С первого же рассказа книга страшно заинтересовала его. Говорил он умно, как человек, привыкший самостоятельно переживать литературные произведения. В конце разговора он хлопнул рукой по столу и вскричал: «Ну, это дело решенное. Я скажу вам прямо. В сентябре я возвращаюсь

в С.-Франциско и сразу же сажусь за перо Гурького.

Его книги должны иметь в Америке громадный успех».

Меня он просил передать Вам просьбу о разрешении на перевод. Затем просил отправки Вашей автобиографии. Не осталось ли у Вас. Хотел написать в т-во сразу по возвращении в Америку.

Если пришлете разрешение, оставьте место для фамилии. Я впишу. Сейчас не могу сообщить точно.

Остается ждать, когда за Вас примутся китайцы и японцы.

Меня очень обрадовало Ваше решение вступить в т-во. Ужасно обрадовало. — Об одностороннем избрании я уведомил Вас телеграммой.

Я сказал конторе, чтобы Клейн и Юнг были высланы Вам немедленно.

На днях получите «Гетчисон. Вымершие чудовища».

Всего хорошего.

Искр. Вас уваж. К. Пятницкий».

29 июля пришел ответ Горького, который ниже приводится почти полностью, без некоторых частных замечаний, давно потерявших значение.

«Мне давно хотелось сказать вам, Константин Петрович, что я очень доволен, очень рад тому, что именно с вами — «Знанием» — устроился по изданию моих книжек. Пользуясь случаем поблагодарить от всей души лично вас за дружеское отношение ко мне, за хороший тон ваших славных писем и за это деликатное, даже шепетильное внимание ко мне. Крепко жму вам руку. Хорошее дело требует хороших отношений от тех, кто его делает,

и хорошие отношения участников — лучший залог успеха в деле. Я твердо уверен, что я и вы сойдемся еще ближе и что все мы будем товарищами и по духу, по отношению к жизни. Ну, хорошо, довольно об этом. Я надеюсь осенью увидеть вас, и тогда поговорим.

Американец? Дело в том, что я не умею написать разрешения на перевод, да и не нахожу его нужным. Вель переводят же без разрешения. «Нью Йорк Геральд» перепер Фому, как мне писал некто Гольдберг, старый мой знакомый, бостонский житель. Но если вам не в труд, — составьте текст разрешения, а я подпишу. Автобиография моя — моя неприятность. Меня коробит, когда я читаю о ней или слышу про нее. Это свиство, сочиненное г. Горюленкием, которого следовало бы выдрать за уши, чтобы он не печатал впредь частных писем. Автобиография мне нужна, как материал для одной повести, и больше того, что, к сожалению, напечатано, я ничего не могу добавить.

Будьте добры, — раз это возможно, — переплести в хорошие черные переплеты 4 моих книжки и выслать их в Ялту, Антону Павловичу (Чехову). У меня всегда есть желание делать что-нибудь приятное для этого великодушного человека. Какой великолепный человек, если б вы знали! Ужасно его люблю.

Льву на лоне природы и нагуливаю себе на зиму адорыбе. Много уже нагулял. Сочиняю драму*), боя будет ни к чорту ни годна. Наплевать, говоря по-русски. А вот скоро я начну писать повесть**) — это дело другое. Она мне давно уже спать не дает, а теперь я ее об-

*) Речь идет о драме «Мещане».

**) Горький тогда задумал писать повесть «Трое».

мозговал. Рад. Но принятая страшно. Замысловата штука! Надо так ее выписать, чтобы всякий человек — порядочный, разумеется, — прочитал и заиграл радостно — эго какой я, человек, хороший, сильный, смелый.

Какая вообще задача у литературы, у искусства? Запечатлеть в красках, в словах, в звуках, формах то, что есть в человеке наилучшего, красивого, честного — благородного. Так вель? В частности, моя задача — пробудить в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни, — самое лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое и что, кроме его — нет ничего достойного внимания. Надо говорить по совести — для сей задачи — мало я сделал, если еще сделал что-нибудь. Знаете, — недавно я прочитал весь свой первый том и «Фому». Сколько там ерунды! Сколько лишнего, плохонького, дрянненького, пишпешского! Даже тошно стало мне. Да-с, это я говорю не рисуюсь, поверьте. Знаете, что надо написать? Две повести: одну о человеке, который шел сверху вниз; другую о человеке, который шел снизу вверх.

До свидания!

Кланяюсь всем товарищам вашим. Пожалуйста, передайте мою глубочайшую благодарность заведующему вашей конторой за его любезность ко мне.

Ваш

А. Пешков».

Едва ли нужно говорить, как богато и разнообразно содержание этого замечательного письма.

«Драма» и «повесть», о которых говорит Горький, это — пьеса «Мещане» и повесть «Трое».